

Гу Шаобай по-прежнему сидел на большом сером камне на пологом склоне горы. Теплый ветерок ласкал лицо, принося с собой опьяняющий аромат цветов.

Хун Гоэр лениво лежала на земле, едва держась на лапах от сонливости.

Лучи заходящего солнца снова перевалили через вершину, заливая окрестности сиянием.

Световые пятна прыгали, пробиваясь сквозь листву, окантовывая Гу Шаобая золотой каймой, а затем рассыпались причудливыми узорами на его бровях и в уголках глаз.

Черты лица были словно нарисованы рукой мастера: легкие штрихи, небрежно набросанные, но передающие всю глубину его чистой печали.

Опираясь на темно-зеленый утес, он спускался по ступеням. На нем был бледно-желтый шелковый халат. Он шел среди зелени, полы одежды и длинные рукава развевались на ветру.

Хун Гоэр давно привыкла быть его спутницей. Если на пути встречались неровности, она подавала голос, предупреждая об опасности, и исполняла duties проводника с полной ответственностью.

Гу Шаобай шел и говорил:

— Хун Гоэр, пройдет совсем немного времени, и я снова увижу. Ты рада?

Конечно, он знал, что она не ответит, но все равно не мог удержаться от разговора с ней.

Пройдя немного, Хун Гоэр вдруг остановилась и тихо тьякнула.

Здесь иногда на пути попадались камни, скатившиеся с горы, или ветки деревьев, и Гу Шаобай уже привык к этому. Он решил, что и на этот раз всё то же самое.

Он ступил ногой вперед, чтобы проверить путь, но ничего не мешало. Однако Хун Гоэр не стала бы лаять просто так. Поэтому Гу Шаобай наклонился и провел рукой по ступеням — они были ровными, посторонних предметов не было.

Он не понял, в чем дело, и не решился идти дальше, подумав, не преградило ли путь какое-то животное. Однажды Хун Гоэр увидела белку и облаяла её так долго, что из пещеры вышел Сыту Хай, решив, что случилось что-то серьезное!

Гу Шаобай просто сел на ступеньку, решив подождать и посмотреть, как поведет себя собака.

Подбородок уперся в колени, одной рукой он слабо держал поводок Хун Гоэр, другой опирался на ступеньку. Вокруг свистел горный ветер, путая длинные волосы.

В тот момент, когда он поднял руку, чтобы поправить волосы, он вдруг почувствовал, как веревка натянулась и выскользнула из руки. Он не успел удержать её, и Хун Гоэр рванула с места, убежав вместе с ошейником.

Гу Шаобай замер. Это была мелочь, такое уже случалось, но на этот раз он вдруг почувствовал себя очень одиноким. Даже собака покинула его. Что еще он мог потерять?

Гу Шаобай обхватил колени руками, и слезы потекли ручьем: кап, кап. Длинные ресницы дрогнули, и хлынул новый поток.

Он не стал вытирать их, позволяя ветру высушить следы слез. Когда устал плакать, он сменил позу и наконец лег на ступени, лицом к небу. Слезы текли от уголков глаз к ушам, он плакал навзрыд, давая волю эмоциям.

С тех пор как он приехал сюда, он никогда не плакал. Он боялся, что Цзи Цзяньчэню будет больно это видеть.

Но сегодня он не смог сдержаться. Он был на грани, готов был взорваться, и, вероятно, этот взрыв обратился водой.

Неизвестно, сколько времени прошло, но Гу Шаобай почувствовал, как скулы горят от ветра, но, по крайней мере, он выплакался.

Когда он собрался встать, вдруг заметил, что белый свет перед глазами заслонили.

Гу Шаобай рукавом вытер лицо:

— Цзяньчэнь, почему ты ходишь так тихо?

Поразмыслив, он пробормотал:

— Ладно, ты всегда ходишь бесшумно.

Он оттолкнулся от ступеньки и сел, вскрикнув:

— Ой!

Только сейчас он почувствовал, как позвоночник и поясница затекли от жесткого камня.

Гу Шаобай протянул руку в сторону тени:

— Подай руку, спина вот-вот сломается!

Тень не взял его за руку, а, напротив, просунул ладонь под его колени, наклонился и взял его на руки.

Гу Шаобай вздрогнул, инстинктивно обхватив его шею:

— Цзи Цзяньчэнь, ты что, хочешь маленького господина...

Он резко умолк, а другой рукой потянулся к лицу этого человека. Знакомые черты, которые он касался и изучал в сердце тысячи раз:

— Афэн?

— Угу.

Гу Шаобай прижался головой к его левой груди, слушая громкое сердцебиение.

— Ты пришел?

— Угу.

— Уйдешь?

— Увезу тебя с собой, — ответил Му Цинфэн.

— Ох, — подумал Гу Шаобай. — Если это сон, пусть он никогда не заканчивается!

Гу Шаобай был в полуобморочном состоянии, пока их не донесли до спальни у подножия горы. Перед глазами мелькали неясные тени.

Холод фарфоровой ложки, коснувшейся губ, заставил его вздрогнуть. Гу Шаобай проглотил горькое лекарство:

— Афэн, вчера во сне ты подарил мне карамелизованные плоды, но они были безвкусными. Почему сегодня лекарство такое горькое?

— Пфф, — рассмеялся не один человек, а сразу несколько.

Гу Шаобай растерянно огляделся, как испуганный кролик, готовый поднять уши.

Чья-то рука мягко коснулась его лица, он почувствовал легкую дрожь и тоже протянул руку, накрыв её своей.

— Дурак, это я. Я действительно пришел, ты не спишь...

— Ха-ха-ха... — это был голос Фан Цинчи. — Гу Шаобай, я всегда думал, что Люнянь самый глупый, но не ожидал, что ты еще глупее... Ай, ухо! Не крути его!

Посреди его воплей Му Люнянь мягко спросил:

— Кого ты назвал глупым?

— Кап, — слеза упала с грохотом, как гром среди ясного неба.

Му Цинфэн рассмеялся:

— Ты только что плакал на ступеньках полчаса, еще не хватит?

Гу Шаобай сначала замер, а через несколько мгновений вдруг обхватил его за талию, размазывая сопли и слезы по одежде Му Цинфэна:

— Негодяй, почему ты так долго не приходил? Я все время думал о тебе, все время...

Он прерывисто бормотал:

— Негодяй... Я ослеп, а ты не пришел...

Это не был сон. Гу Шаобай послушно сидел, открывая рот для лекарства, глоток за глотком. Его взгляд с жадностью устремился на лицо Му Цинфэна, такой пылкий, что Му Цинфэн начал подозревать, будто он притворяется слепым!

Во рту было кисло и горько, но Гу Шаобаю казалось, что это слаще любых фруктов, сладость проникала прямо в сердце!

Ничего не нужно было объяснять, приход Му Цинфэна был лучшим объяснением!

Два месяца спустя глаза Гу Шаобай полностью исцелились, и он вместе с Му Цинфэном

отправился в путь в Округ Нань.

Фан Цинчи и Му Люнянь, у которых не было дома, могли считать своим домом весь мир. После настойчивых просьб Гу Шаобай они решили ассотрану их и отправиться в Округ Нань.

— Люнянь, знаешь, Округ Нань просто чудесен... Горы и воды живописны, весна круглый год, люди талантливы, природа щедра... — Гу Шаобай болтал, выделяя слюну. Стоило ему подумать, что там наверняка много вкусной еды, как он не мог сдержаться.

Му Люнянь прислонился к углу кареты:

— Ты же там не был...

Гу Шаобай придвинулся к нему поближе:

— Я читал описание местностей... Там еще и море есть. Говорят, такое огромное, что края не видно, лазурное-лазурное...

Му Люнянь невольно начал мечтать вместе с ним.

— Люнянь, — Гу Шаобай смотрел на свет, пробивающийся сквозь занавеску кареты, и на гордый профиль всадника. Уголки его губ поднялись в улыбке, идущей от самого сердца. — Я чувствую себя счастливым, правда...

Когда-то был человек, который безрассудно и настойчиво вмешался в его жизнь, перевернул его прошлое, изменил его настоящее. Он делал что хотел, нарушая все правила, и это казалось естественным. Гу Шаобай страдал, плакал, ненавидел и смеялся, но все же был рад, что смог удержать это сердце и сохранить те прекрасные времена!

Автор хочет сказать:

Прежде всего, хочу поблагодарить всех, кто был со мной в процессе написания этого длинного романа. Благодарю каждого, кто оставлял комментарии и кликал, за вашу поддержку и мужество. Спасибо вам!

<http://bllate.org/book/16730/1539046>